
Глава 15

Когда раздался дверной звонок, Шэнь Цзя всё ещё тонул в липком, сыром кошмаре.

Сознание уже проснулось, но веки казались налитыми свинцом, а тело сковала оцепеняющая онемелость.

«Кто там?»

В памяти мгновенно всплыл недавний визит Юй Сяньхана, и сердце отозвалось липким страхом и глухим отторжением.

— Учитель Шэнь, вы дома?

Знакомый мужской голос прорезал тьму. Перед глазами Шэнь Цзя мелькнуло яркое алое пятно — рыжие волосы, которые казались мягкими лишь на вид, а на ощупь были жесткими, слегка колючими. А еще — рука, протянутая к нему сквозь толщу воды. Рука, готовая увлечь в объятия — теплые, дарующие давно забытое чувство безопасности...

Судорожно вздохнув, Шэнь Цзя рывком распахнул глаза. По щеке скатилась запоздалая слеза. Словно чья-то сильная рука действительно выдернула его со дна водяной толщи, он резко сел на кровати.

— Учитель Шэнь, это Чжоу Цзыфэй. Вы в порядке?

Голос за дверью звучал всё так же сдержанно, хотя стук стал заметно чаще и беспокойнее. Окончательно стряхнув остатки морока, Шэнь Цзя поспешно накинул домашние туфли и бросился открывать.

На пороге стоял Чжоу Цзыфэй с термосом в руке. Его брови были хмуро сдвинуты, а лицо казалось темнее тучи, однако при виде хозяина квартиры напряжение спало, уступив место замешательству.

— Извини, я заснул и не сразу услышал, — смущенно пробормотал Шэнь Цзя. Заметив, что гость замер на месте, он недоуменно спросил: — Что-то не так?

Вместо ответа Цзыфэй поднял руку и костяшкой указательного пальца бережно коснулся покрасневшего уголка его глаза. Кожи сначала касалось лишь чуткое тепло, а затем с нее бережно смахнули влажный холод.

Шэнь Цзя невольно прикоснулся к щеке и только тогда понял, что на лице всё еще блестели слезы. Сердце ёкнуло, и он краем рукава торопливо отер влагу.

— Я... просто кошмар приснился, вот и... — замялся он, не зная, куда девать глаза.

Цзыфэй едва заметно качнул головой и тихо, мягко произнес:

— Всё хорошо. Ничего страшного.

Войдя в квартиру, Цзыфэй не стал расспрашивать о кошмаре, а Шэнь Цзя не спросил, почему тот принес ему ужин. Оба молча обошли витавшее между ними незримое напряжение, предпочтя поддержать незамысловатый разговор о мелочах — будто это могло скрыть тонкую перемену в их отношениях.

И всё же Шэнь Цзя был вынужден признать: этот простой ужин в тихой компании немного отпустил натянутую до предела струну в его душе.

— Учитель Шэнь, вы всё еще выглядите неважно. Может, стоит отдохнуть еще пару дней?

— Не нужно, физически я в полном порядке.

Цзыфэй вздохнул со слабой, сочувственной улыбкой и, присев за обеденный стол, полушепотом произнес:

— Учитель Шэнь, я ведь не про тело. Я про то, что... вот здесь.

Он кончиком пальца слегка коснулся собственной груди, в области сердца. Шэнь Цзя невольно повторил его жест, приложив ладонь к левой стороне груди.

— Здесь?..

— Да. С телесными недугами помогут врачи. Но против того, что болит в груди, медицина бессильна.

Шэнь Цзя понял, к чему тот клонит. Он опустил взгляд, прислушиваясь к ровному стуку сердца.

Но как это объяснить? Дело вовсе не в том, что он снова увяз в суицидальных мыслях — его просто в очередной раз довел до нервного срыва родной отец. О таком Шэнь Цзя не смог бы признаться даже человеку, с которым прожил много лет, что уж говорить о Цзыфэе, знакомом ему от силы пару месяцев?

— Я... — Шэнь Цзя уже собрался натянуть привычную улыбку и заверить, что всё в порядке, как Цзыфэй его перебил:

— Вы ведь обещали сходить с Цзяи в океанариум, помните? Почему бы не исполнить обещание в ближайшие дни? Правда, сейчас Цзяи куда больше рвется в парк развлечений. В выходные там не протолкнуться, так что лучше поехать в будни.

Цзыфэй уверенно говорил слово за словом, а Шэнь Цзя лишь сидел напротив с растерянным видом, не совсем понимая, к чему идет этот разговор.

И тут Цзыфэй посмотрел ему прямо в глаза и тихо добавил:

— Учитель Шэнь, только скажите, и я увезу вас отсюда.

— Увезешь? Но... куда? — опешил Шэнь Цзя.

Мысли смешались в кучу. Внезапное «я увезу вас» заставило его сердце пропустить удар.

— В парк развлечений, — мягко пояснил Цзыфэй. — В место, где есть только сахарная вата, мороженое, сплошной смех и веселье. Где можно хоть на день забыть о работе, готовке, чертовом бывшем муже и вообще обо всех неприятностях на свете.

Цзыфэй говорил так вкрадчиво, будто замышлял секретный побег из дома с товарищем по детским проказам — чтобы сбежать от взрослых и жить в свое удовольствие.

И Шэнь Цзя действительно поддался этому чарующему порыву. Точнее, его безмерно пленила эта легкая, дерзкая уверенность Цзыфэя: «пока тебе весело, на всё остальное можно плевать».

«Неужели и вправду так можно? Поехать в парк, наестся мороженого и сахарной ваты, утонуть в чужом смехе — и хотя бы ненадолго стереть из памяти всё плохое?»

После долгих колебаний Шэнь Цзя тихим, но уверенным голосом ответил:

— Хорошо.

Под ясными лучами осеннего солнца американские горки на бешеной скорости устремились вниз по изогнутому треку. Из вагонеток донеслись сорванные восторженные крики и визг зашкаливающего адреналина.

У самого выхода с аттракциона стояли двое мужчин. Один согнулся в три погибели, чуть ли не обнимая урну, а второй с обеспокоенным видом то заботливо гладил его по спине, то подносил бутылку минералки.

— Цзы... Цзыфэй, ты как? Живой?

— В-вроде... кха... Кхм... — Цзыфэй снова поперхнулся тошнотным позывом.

Лицо у него было мертвенно-бледным, а аккуратная прическа превратилась в растрепанное воронье гнездо. Будучи автогонщиком, Цзыфэй обожал бешеное ускорение, рвущий жилы адреналин и чувство, когда тебя вжимает в кресло на огромной скорости, но вот мертвые петли и американские горки его вестибулярный аппарат категорически отказывался принимать. Он согласился на эту экзекуцию исключительно ради Шэнь Цзя, но никак не ожидал, что последствия окажутся настолько катастрофическими.

Прополоскав рот, обессиленный Цзыфэй с помощью Шэнь Цзя добрался до скамейки. На душе у него было муторно. И дело было даже не столько в тошноте, сколько в осознании, что он опозорился перед Шэнь Цзя по самому полному разряду.

Едва ступив на твердую землю, Цзыфэй ощутил, как ноги превратились в вату — не поддержи его Шэнь Цзя, он грохнулся бы прямо на колени.

— Это всё из-за меня... Знал бы, никогда бы туда не пошел, — виновато вздохнул Шэнь Цзя. Глядя, как легко Цзыфэй перенес свободное падение на башне, он решил, что и горки не станут проблемой.

— Ерунда... Главное, Учитель Шэнь, сожгите эти улики, — с трудом выдавил Цзыфэй. — Ни словечком не обмолвитесь Цзяи, что я боюсь горок и что меня вывернуло наизнанку. Мой авторитет тогда просто...

Он искренне переживал за свою репутацию и сейчас от души благодарил судьбу за то, что малыш Цзяи с тётушкой Чжан ушли за мороженым.

Чтобы выкроить этот день, Шэнь Цзя еще накануне взял отгул. А Цзыфэй, хитро рассудив, что ему захочется остаться с Шэнь Цзя наедине, взял с собой тётушку Чжан — на нее всегда можно было на время свалить племянника.

— Хорошо-хорошо, никому не скажу, — с ухмылкой пообещал Шэнь Цзя, облегченно вздохнув: раз гость всё еще печется об авторитете, значит, жизнь возвращается в норму. — Воды еще отпить хочешь?

В этот момент из-за угла донеслась веселая музыка, и на аллее появились аниматоры в ростовых куклах. Один из маскотов — чудаковатое чучело с пуговицами вместо глаз и ярко-

рыжими волосами — заметил рыжеволосого Цзыфэя. Игрушечный персонаж радостно подскочил к нему и схватил за руку, настойчиво раскрывая объятия.

Цзыфэй сидел с каменным лицом, демонстративно не поддаваясь на провокацию: его тонкое чувство прекрасного категорически отказывалось принимать это несуразное убожество.

Шэнь Цзя же ситуация искренне забавила. Подрагивая от смеха, он прикрыл рот ладонью и шепнул:

— Цзыфэй, ну обними ты его! Посмотри, как он несчастен! Давай же~

Цзыфэй честно попытался разглядеть эмоции на плюшевой морде ростовой куклы, но ничего, кроме нарисованной улыбки, там не обнаружил. Тем не менее слово Учителя Шэнь было законом, так что пришлось покорно подчиниться.

Шэнь Цзя с искренним удовольствием наблюдал за тем, как парень неуклюже обнимает куклу. Вдруг он заметил неподалеку фотографа с поляроидом и, немного подумав, направился к нему.

— Всё, миссия выполнена. Учитель Шэнь может быть спокоен: ни одно ростовое чучело не пострадало, — отчитался Цзыфэй, возвращаясь.

Однако Шэнь Цзя уже не смотрел в его сторону — он присел на корточки у скамейки и увлеченно гладил подошедшую уличную кошку.

Услышав над головой голос, Шэнь Цзя поднял лицо.

— А я сейчас видел девушку в костюме Белоснежки! — увлеченно поделился он. — Ну прямо точь-в-точь как из мультфильма!

Он улыбался так тепло и искренне, что на щеке отчетливо проступила трогательная ямочка, ярко вспыхнувшая под осенним солнцем.

— Раз Учитель Шэнь так сияет, может, тоже хотите примерить роль принцессы? — поддел его Цзыфэй.

— Вовсе нет! — тут же возразил Шэнь Цзя, а затем поджал губы и с улыбкой добавил: — К тому же я под параметры принцессы совсем не подхожу.

Цзыфэй опустил на корточки рядом с ним и с усмешкой выгнул бровь:

— Это еще почему? Каких же критериев вам не хватает?

— А какие, по-твоему, у меня есть? — сощурился Шэнь Цзя, включившись в шутиливую перепалку.

Цзыфэй указал пальцем на котейку, с мурлыканьем тершуюся о сапог Шэнь Цзя, а затем кончиками пальцев касательно задел резинку на его тёмных волосах.

— Животные вас любят. Волосы длинные и темные. Кожа белая. Добрый, милый и невероятно красивый.

Цзыфэй открыто улыбнулся и неторопливо подытожил:

— Ну и кто вы после этого, если не принцесса?

Унизительная краска мгновенно залила щеки Шэнь Цзя. Он ошарашенно уставился на собеседника, едва шевеля губами, и после долгой паузы смог выдать лишь:

— Но... я же мужчина.

Осенний воздух еще сохранял остатки летнего тепла, а после пережитых на горках эмоций на бледных щеках Шэнь Цзя всё еще алел румянец. Цзыфэй невольно подумал, что тот сейчас до боли напоминает сочное наливное яблочко в руках той самой принцессы.

— И что, что мужчина? Неужели Учителю Шэнь жалко побыть принцессой хотя бы один-единственный день?

С этими словами Цзыфэй с загадочным видом выудил из кармана темно-синий ободок с небольшой короной из плотного фетра. Он лукаво подмигнул — на его породистом, обычно холодном лице эта гримаса смотрелась до комичного мило.

И когда только успел купить? И как вообще умудрился засунуть эту штуку в карман куртки?..

Шэнь Цзя не удержался от смешка и, взяв ободок, покрутил его в руках:

— Ты что, спланировал всё заранее?

— Угадали! Сегодня Цзяи — маленький принц, я — его верный рыцарь, а значит, вакансия принцессы достается вам!

Цзыфэй ткнул пальцем в эмблему на своей куртке, отдаленно напоминавшую рыцарский геральдический щит, и жестом попросил Шэнь Цзя наклонить голову.

— Ну как? — спросил Шэнь Цзя, поправив ободок и снизу вверх взглянув на него.

Белоснежная кожа, алые губы, смоляные волосы — и глаза, сощуренные в искреннем, детском полумесяце.

Как?.. Да безупречно!

Шэнь Цзя был самой прекрасной принцессой на свете. И Цзыфэй готов был всю жизнь оставаться рыцарем в его королевстве, защищая каждый день его покой и счастье.

— Добавить бы еще пышное платье — и комплект полный, — с улыбкой проговорил Цзыфэй.

Шэнь Цзя тихо фыркнул, поправляя корону, и подхватил игру:

— Еще чего! Ты всего лишь рыцарь, с какой стати тебе указывать принцессе, как одеваться?

— Принцесса совершенно права. Прошу прощения за дерзость, отныне буду следить за каждым своим словом, — с наигранной покорностью произнес Цзыфэй, приложив кулак к груди и склонив голову.

Шэнь Цзя, не удержавшись от смеха, покровительственно похлопал его по плечу:

— Так и быть, принцесса тебя прощает.

Они поднялись. Цзыфэй галантно протянул ему руку, помогая встать. Шэнь Цзя с улыбкой оперся на его ладонь:

— А ты, я смотрю, преданный рыцарь.

— Само собой, — без тени сомнения отозвался Цзыфэй.

«Прикажи мне взять штурмом любую крепость — и я смежу её ради тебя».

Пока они шутили, вернулись тётушка Чжан с малышом Цзяи, державшим в руках мороженое. Вся компания отправилась дальше, к следующим аттракционам.

Маленький Цзяи пришел в неописуемый восторг от короны Шэнь Цзя. Он тут же вцепился в его руку, заявив, что как настоящий принц просто обязан защищать принцессу.

— Принцессу вообще-то защищает рыцарь! Цзяи, ты матчасть учил? — возмутился Цзыфэй.

— Ничего подобного, принц! — вопил мальчишка. — Принц потом еще и женится на принцессе! А я вырасту и женюсь на Учителе Шэнь!

— Ах ты мелкий!.. Чжоу Цзяи, у тебя давно ремень по попе не плакал?!

Цзыфэй в «бешенстве» сгреб племянника и зажал его под мышкой, как кулек. Цзяи заверещал на весь парк:

— Учитель Шэнь, смотрите! Вы видите, что дядя делает?!

Шэнь Цзя смеялся во весь голос, лишь слегка поддерживая болтающегося пацана вместе с тётушкой Чжан, чтобы тот не вывалился. От такой молчаливой поддержки «рыцарь» разошелся еще больше и принялся щекотать задиру.

Лишь когда отчаянно дрыгающий ногами Цзяи посадил парочку грязных пятен на куртку дяди и торжественно побожился «больше никогда не претендовать на руку и сердце Учителя Шэнь», его наконец вернули на землю.

Весь оставшийся день с лица Шэнь Цзя не сходила счастливая улыбка. Глаза его блестели азартом. Он носился за руку с Цзяи, вместе с ним восторженно кричал на каруселях и в этот момент сам казался беззаботным ребенком.

А Цзыфэй шел следом, не сводя с него глаз, и ничто на свете не могло заставить его перестать улыбаться.

— Молодой господин, а как у вас успехи с господином Шэнь? — тихо спросила тётушка Чжан, поравнявшись с Цзыфэем.

Тот даже не повернул головы, продолжая неотрывно смотреть на Шэнь Цзя.

— Что, сестра попросила разузнать? — с легкой смешинкой ответил он.

— Да бог с вами! Вы ведь так долго его искали... Мне и самой интересно, — тепло улыбнулась женщина.

Она работала в семье Чжоу с тех пор, как Цзыфэю исполнилось двенадцать. И после того, как в пятнадцать лет его спас Шэнь Цзя, вся семья знала, с каким упорством парень искал своего спасителя.

Рядом с человеком, опекавшим его больше десяти лет, Цзыфэй позволил себе немного откровенности:

— До полноценных отношений еще далеко. Но... я ему точно не противен. И, кажется, даже симпатичен.

— Ох, ну и слава богу! Господин Шэнь — человек замечательный, это сразу видно. Смотрите, молодой господин, не упустите свой шанс!

Только тогда Цзыфэй повернул к ней лицо и уверенно, с гордой юношеской пылкостью произнес:

— Я знаю. Он лучший. И в этой жизни мне нужен только он.

Солнце медленно клонилось к закату, и над парком сгустились сумерки. Потоки людей стали постепенно стекаться к площади возле сказочного замка.

— Дядя, а почему все идут туда? — спросил малыш Цзяи. Набегавшись за день, он еле дышал и теперь висел на руках у тётушки Чжан.

Цзыфэй сверился со временем на экране телефона:

— Скоро начнется салют. Пойдемте и мы, заберем место получше.

На Центральной площади Цзяи закатил каприз, требуя пробраться в самый первый ряд. Но пробиваться сквозь плотную толпу Цзыфэю не хотелось, а Шэнь Цзя посчитал некрасивым бросать его одного позади. В итоге тётушка Чжан ушла с мальчиком вперед, а Шэнь Цзя и Цзыфэй остались на внешнем краю площади.

Ночь вступила в свои права мгновенно. Шум и гул толпы вокруг нарастали, но между ними двумя воцарилась тишина.

Свежий ветерок ранней осени принес прохладу. Цзыфэй первым нарушил молчание:

— Учитель Шэнь, вам не холодно? К вечеру ощутимо посвежело.

Шэнь Цзя качнул головой и повернулся к нему. В полутьме профиль Цзыфэя казался размытым.

Они стояли совсем рядом. Их рукава соприкасались, и даже сквозь плотную ткань куртки Шэнь Цзя ощущал живое, уверенное тепло, исходившее от спутника.

Этот человек всегда заполнял собой всё пространство рядом.

Шэнь Цзя сам не понял, почему вдруг вспомнил те немногие мгновения, когда они были по-настоящему близки.

Горячие пальцы, касавшиеся его щеки... Тонкий, ненавязчивый парфюм, который невозможно ни с чем перепутать... Способность мгновенно проявить огромную силу — и в то же время невероятная, трепетная нежность каждого прикосновения.

У Цзыфэя был резкий, хищный разрез глаз, но всякий раз, когда Шэнь Цзя встречался с ним взглядом, тот был полон мягкости. Как и сейчас...

Шэнь Цзя чувствовал, что Цзыфэй смотрит на него боковым зрением. Смотрит бережно и тепло — так, что игнорировать этот взгляд было просто невозможно.

— Цзыфэй... почему ты решил привезти меня сюда?

Шэнь Цзя всё-таки произнес эти слова и поднял глаза на наклонившегося к нему парня.

— Что у тебя на уме?..

Он знал: Цзыфэй прекрасно понял невысказанный, подлинный смысл этого вопроса: «Почему ты ко мне так добр?»

<http://bllate.org/book/19971/1985837>